

КРИТЕРИЙ ВЕЛИЧИЯ – «УМЕНИЕ НЕ ДАВАТЬ БОЯ» (о необычной философии войны)

Важность такой дисциплины, как философия войны, не подлежит сомнению. Тогда возникает вопрос, почему в 1920 г. гениальный русский полководец-философ А.Е.Снесарев изъясил данный предмет из учебного курса Академии Генштаба РККА, которую тогда возглавлял.

Для начала немного о датах. 30 мая – день рождения св. Александра Невского – великого стратега и основателя великой России. 31 мая – дата битвы на Калке, где тогдашнее руководство Руси проявило полную стратегическую беспомощность. В год 700-летия битвы на Калке (1923) А.Е.Снесарев опубликовал свою программную статью «Гримасы стратегии». Она чрезвычайно важна для философии войны и выяснения природы войны. Положения этой статьи и теория ген. Снесарева в целом позволяют понять смысл побед Александра Невского и как избегать новых бьитв на Калке.

Ген. Снесарев никогда не выражал несогласия со своим коллегой, морским генералом Н.Л.Кладо в том, что роль философии войны играет «чистая» стратегия - фундаментальная теория военного дела. В этом качестве стратегия объединяет все военные науки в единый комплекс. Она обобщает опыт военной истории, выявляет ее смысл и на данной основе переходит в свою прикладную, практически применимую форму. В этом качестве стратегия входит в арсенал политики и обеспечивает ведение войны как политики «иными средствами».

Итак, философия войны – дисциплина важнейшая. Причин, по которым ген. Снесарев изъясил ее из учебного курса Академии, просматривается две-три: во-1-х, невысокий общеобразовательный уровень тогдашних слушателей и, во-2-х, оперативно-тактическая ориентация учебного курса как в дореволюционной НАГШ, так и в АГШ РККА – будущей ВА им. Фрунзе. Наконец, в-3-х, сам ген. Снесарев в 1920 г. едва успел впервые опубликовать положения единой военной доктрины – интегрального учения о войне и принципах военной организации государства. А надо заметить, что дискуссии о военной доктрине и природе войны шли в России трудно как до, так и после революции. В канун 1-й мировой войны Николай II лично запретил дискуссии о военной доктрине; с 30-х гг. эта тема также стала недискуссионной. Иными словами, курс философии войны был вполне уместен и крайне полезен для высшего военного образования – при традиционно прохладном к ней отношении «сверху».

Тем не менее классическое наследие позволяло преподавать курс философии войны, и ген. Снесарев мог это делать как никто успешно. Коль скоро армия предназначена для войны и побед, она имеет право в лице своего командного состава знать природу и смысл войны вообще и конкретных войн в частности. В чем же она заключается? Теоретические положения генералов Кладо и Снесарева проливают на нее достаточный свет. Оба они сомневаются в том, что война сводится к вооруженному насилию. Н.Л.Кладо требует в оценке природы войны прежде всего абстрагироваться от данных а) эмпирических и б) технических. А ведь именно на их основе войну сводили и сводят к вооруженному насилию. В этом контексте уместно по-новому взглянуть на два краеугольных положения Клаузевица: война – продолжение политики насильственными средствами; победа – подчинение противника нашей воле (т.е. захват инициативы!). Клаузевиц не утверждает, что делать это можно только вооруженным насилием и на поле боя. Напротив, он утверждает, что предмет у стратегии тот же, что у обычной философии – все процессы общественной жизни. Именно Клаузевиц ввел на Западе понятие «войны-хамелеона» – по всему спектру общественной жизни и всеми возможными средствами. Это положение развивает военный востоковед А.Е.Снесарев.

На Востоке понятие «войны-хамелеона» хорошо известно – в Китае - уже 3 тыс. лет. 2,5 тысячелетия назад китайский полководец-философ Сунь-цзы поставил сверхзадачу «воевать и побеждать не сражаясь». В ХУШ в. эту мысль повторил автор термина «стратегия» Г.Ллойд. Но смысл теории Сунь-цзы расшифровал ген. Снесарев – русский Сунь-цзы XX в. Он объяснил, что надо «воевать не сражаясь(не по своей инициативе)». Иными словами, и здесь принцип захвата инициативы и подчинения воли противника своей воле стоит на первом месте. Ген. Снесарев подчеркивает, что подчинить противника своей воле можно самыми различными, а не только боевыми средствами. В своих статьях 20-х гг. он всесторонне развивает тему «войны-хамелеона», которая расплывается по всему спектру цивилизации и требует для своего ведения интегрального полководца – политика и экономиста, идеолога и пропагандиста, вообще мастера на все руки. Сам А.Е.Снесарев как ученый-энциклопедист и многоопытный командир вполне вполне соответствовал этим требованиям.

Критерий величия политика и полководца, напоминает А.Е.Снесарев – это «искусство не давать боя». Александр Македонский, Петр 1, Фридрих II заслужили звание Великих именно по этой причине. Напротив, Наполеон, который все

невоенные и небоевые средства и факторы подчинял проведению боевых операций, такого звания не заслужил. Великие стратеги закончили свою жизнь в зените славы, поясняет ген. Снесарев, а Наполеон – писанием мемуаров на о. Св. Елены. Действительно, величие стратега заключается именно в понимании органической взаимосвязи политики и стратегии, их взаимовлияния и полной интеграции. Размышляя над «обязанностями политики в отношении стратегии» (именно так, а не наоборот) генералы Е.И.Мартынов (автор одноименной работы) и Н.Л.Кладо приходят к одному и тому же выводу: чтобы стратегия могла выполнить поставленные политикой задачи, эти задачи должны быть поставлены своевременно и правильно, т.е. соответствовать требованиям и критериям стратегии. Качество политики для этого должно радикально возрасти. Она должна вестись в период мира столь же системно и продуманно, как и во время войны. В противном случае военная стратегия никогда не исправит всех тех ошибок, которые натворила конъюнктурная политика мирного времени.

Чтобы процесс развития политики в мирное и военное время был логичным и плавным, необходимо переплавить (уместная игра слов) политику и стратегию в единую высшую стратегию. Такая мысль высказывалась в отечественной военной мысли уже в начале века, но реальную интеграцию фактически осуществил ген. Снесарев. Он, конечно, как востоковед и специалист по странам исламской культуры знал мысль пророка Мухаммеда: «Мир – вид войны». Получается, что если мир – вид войны, то и политика – вид стратегии, а именно высшая стратегия. В конце XIX-начале XX вв. ген. Агапеев и штабс-капитан Максотов успешно развивали тему «войны наверняка» с минимальными потерями и риском. Вести такую войну позволяет тщательная, заблаговременная и всесторонняя подготовка не просто военных действий, но организация всей жизни государства, его международных отношений. Чем лучше эта мирная жизнь всесторонне организована, тем меньше у противника поле маневра и тем легче навязать ему свою волю без боевых действий. Средневековые арабские авторы подчеркивали, что «армия – опора государства», и эту главную опору нельзя растрачивать на войне. По такому принципу жил и работал величайший стратег XIУ в. Тимур (Тамерлан). По ходу борьбы за господство в Азии силы его империи лишь прирастали. Напротив, у Наполеона в аналогичной обстановке они убывали.

На опыте военной истории Востока и частично Запада можно проследить интересную закономерность. Успешность государственной политики можно оценить по 5-балльной шкале: победа без войны – 5, победа на войне – 4, неудача либо пиррова

победа – 3, поражение – 2, гибель государства – 1; утрата самого народа может быть оценена как 0. Осознавая данную закономерность, китайцы издревле различали два вида победы: идеально-избыточную (оценка «хорошо») и реально достижимую (оценка «удовлетворительно») – когда ничего не завоевано, но и свое не утрачено. В XIX в. Клаузевиц разовьет именно эту идею, что активная оборона есть сильнейшая форма военных действий. Он, как и проницательные китайцы, разглядит, что активная оборона – надежная альтернатива пирровым победам.

Однако у Сунь-цзы, Снесарева и их немногочисленных последователей идеал – даже не победа. Как указывает Клаузевиц, война подчинена политике, победа на войне должна обеспечить успех политики. Война имеет свою грамматику, но не логику, напоминает Клаузевиц. Следовательно, цель войны даже не победа, а политический успех. Тогда возникает вопрос: осуществим ли идеал успеха войны и политики без военной победы? В традиционном смысле, очевидно, нет. Но если политика и стратегия интегрируются в единую высшую стратегию, то идеал осуществим вполне. Ген. Снесарев интегрировал политику и стратегию во всеохватную высшую стратегию (геополитику) именно с этим прицелом. И он знал, что делал, т.к. действовал на основе своего собственного опыта 1904-05 гг. Тогда ему удалось, органично включившись в естественно-исторический процесс, заставить Англию заранее признать свое поражение в будущей 1-й мировой войне, если Россия будет ее противником.

Своей «реформацией войны» кап. Генштаба А.Е.Снесарев еще раз доказал правоту Фридриха II: «война – наука для гения, искусство для человека среднего, ремесло для невежды». Он подтвердил и правоту Клаузевица: «лишь гений охватывает движение всех элементов войны как одной массы сил» (при этом А.Е.Снесарев корректирует Клаузевица: как единой силы)¹. Кап. Снесарев делом доказал, что умеет найти архимедову «точку опоры» - знак умножения между материально-базисным и духовно-надстроечным сомножителями геополитической мощи $Pp=(C1+C2+E+M).(S1+S2+W+P)$, чтобы «повернуть землю» (или по крайней мере «расценить и пробудить скрытые силы Индии, ускорив наклон весов истории»)²; по определению пророка Мухаммеда, «справедливость – весы Аллаха на земле»).

Если мы сложим «веер» трактата Сунь-цзы (на стержне) главы 7-й) в «кинжал» (а симметрия структуры трактата ведет именно в

¹ Снесарев А.Е. Единая военная доктрина. – Военное дело, 1920, №8. с. 230.

² Снесарев А.Е. Индия как главный фактор... с. 170-171.

этом направлении), то посредством формулы А.Е.Снесарева получим «7 ступеней» стратегической мудрости:

всегда осведомленно и скрытно (1, 13) воюем, навязывая свою волю противнику (2, 12), уверенно заманивая его в ловушки (3, 11), выжидая благоприятного соотношения сил (4, 10), внезапным маневром (5, 9), разумно рискуя, захватываем инициативу (6, 8), идем к победе «путем обмана» (7).

Формула совокупной стратегической мощи, созданная самим А.Е.Снесаревым (сумма территории, экономики и армии, умноженная на сумму целей, понятий и приемов деятельности) $Pp=(C+E+M)(S+W+P)$ может быть в этом случае прочитана так:

«Сливаясь с ландшафтом и населением (С), нейтрализуя численное превосходство (Е) противника, расстраиваем его государство и армию (М); поставив целью (S) оптимальное соотношение сил и возможностей, понимая (W) важность захвата инициативы, умеем (P) «обманом» прийти - к победе (Pp)». Тем самым А.Е.Снесарев предельно углубил и развил емкое понятие «войны-хамелеона».

Опыт 1-й мировой и последующих войн раз за разом подтверждал наблюдение ген. А.Е.Снесарева, что «война поползла в тыл»³. Но уже в 1904-05 гг. кап. Снесарев сделал все, чтобы перенести ТВД, фронт противоборства с Британской империей не просто в ее глубокий тыл, но в самое средоточие ее глобального могущества – вглубь Индии, в толщу ее угнетенного общества. Казалось бы, весомых причин для тревоги за судьбу империи в целом у англичан не было. Весной 1904 г. лорд Керзон при возвращении на пост вице-короля оптимистически оценивал положение Индии как близкое к идеальному. Но уже через полгода он официально признал, что Британская Индия находится в положении осажденной крепости. Перед этим сам Керзон был вынужден официально заявить, что: а) мировая война не за горами и б) она развернется в данной исторической обстановке не в Европе, а в Азии (конкретно – у границ Индии).

А.Е.Снесарев выделяет 4 главных параметра поразившей Индию катастрофы и выясняет иерархию этих параметров. Однако мы знаем, что 4 параметра соответствуют 4 базисным стратегическим элементам, которые отражены самим А.Е.Снесаревым в проекте цикла монографий об Индии: «Географическая Индия», «Этнографическая Индия», «Экономическая Индия», «Военная Индия». Т.о. первый сомножитель геополитического потенциала в его формуле

³ Снесарев А.Е. Гримасы стратегии...с.78.

приобретает вид: С1+С2+Е+М. Ведущим кризисогенным фактором в этой «сумме греха и неправды»⁴ является элемент М (военно-политический), который стимулирует бедность и нищету в спектре Е (социально-экономическом), деградацию в спектре С2 (этнографическом) и С1 (природно-географическом); обратные связи превращают социальную катастрофу в природно-экологическую и наоборот. Системный социально-экологический кризис Индии к началу XX в. успел приобрести хронические формы и грозил злокачественными последствиями. Кризис приближался к порогу революционной ситуации; ее объективные предпосылки накопились в избытке.

Англия и Япония в разгар войны на Дальнем Востоке всерьез опасались открытия второго фронта в Средней Азии. (В англо-индийской печати фигурировал приписанный ген. Куропаткину план вторжения в Индию из 22 пунктов.)⁵ Более того, в Англии начинали понимать, что сковать Россию на Дальнем Востоке силами японского союзника удалось лишь частично, а в самом процессе такого решения главная проблема – безопасности Индии и в целом империи – не смягчилась, а наоборот обострилась. Стремясь отвести угрозу от “жемчужины Британской короны”, эту угрозу к ней же и привлекли. При этом в Англии видели, что главнейшую проблему составляли не русские войска, а весь комплекс исторических условий. Лондон беспокоила тройкая опасность: 1. выступление России своими собственными силами, 2. ее выступление совместно с Афганистаном либо при нейтралитете последнего и 3. развертывание джихада в Афганистане и Северной Индии. При этом англичане начинали понимать и то, что эти три опасности не исключают, а подпитывают друг друга. Минимальные беспорядки на исламском севере Индии автоматически влекли за собой а) дезорганизацию тылов англо-индийской армии и б) беспорядки по всей Индии в целом. Тогда “главные” военные операции России на Среднеазиатском фронте могли быть ограничены демонстрациями; официальный нейтралитет Кабула служил для всей взрывной ситуации катализатором (провинциальные власти Афганистана с самого восстания 1897 г. продолжали поддерживать инсургентов-пуштунов на северо-западе Индии)⁶. Иными словами, российское командование было способно действовать в Индии а) чужими силами (местной оппозиции и инсургенции) и б) с чужой базы (“нейтрального” Афганистана). Что в этой ситуации должно было пугать англичан больше всего, так это возможность для России не

⁴ Снесарев А.Е. там же. С. 170

⁵ СКСССТВО, в. 55. С. 24-26.

⁶ СКСССТВО, в. 75. Таш., 1906. С. 16.

вмешиваться в дела Британской Индии непосредственно и массированно, военными средствами и по правилам обычной войны. “Где могут появиться русские войска, предсказать невозможно”, - били тревогу британские эксперты в декабре 1905 г. Они и сами не понимали, как были правы.

Определить пути продвижения русских войск было нельзя потому, что они выдвигаться и не собирались. Уже осенью 1905 г. британская печать подчеркивала, что Индийский Национальный Конгресс “держит в своих руках ключи народного восстания и военного мятежа”. Заострение сложившейся революционной ситуации было неизбежно по двум важнейшим и совершенно объективным причинам. Поверив в реальность стратегической «диверсии» России против Англии (союзницы Японии) на территории Индии, англичане должны были неизбежно принять меры необходимые, но провоцирующие эскалацию кризиса: во-1-х, форсировать военную реформу и передислокацию войск на север Индии; во-2-х, увеличить военные расходы. Тем самым автоматически кризисогенный импульс от элемента М (военно-политического) распространялся к элементу Е (экономическому), стимулируя обнищание людей (элемент С2) и деградацию вмещающего ландшафта (С1). Провоцируя тем самым засухи, голод и дальнейшие эпидемии, англичане получали откатную волну уже в обратном направлении от С1 к М, и амплитуда колебаний возрастала. Если же от материально- базисного сомножителя перейти к духовно-надстроечному ψ , то картина будет следующая. Рост военных расходов в разоренной стране провоцировал напряженность во всех слоях населения, а новые мероприятия стратегического развертывания на афганской границе демонстрировали беспокойство англичан и шаткость их позиций. Деревня и городские низы больше реагировали на первую группу факторов, верхи и средние слои – прежде всего на вторую. Ценностные и понятийные представления традиционных слоев оформлялись и активизировались целевыми установками интеллигенции и национального бизнеса, перешедшего к партийному строительству и политической борьбе. Наконец, приходил в глухое угрожающее брожение главный стратегический резерв Индии – десятки миллионов бедняков города и деревни (элемент Р). Как в термоядерной реакции, первые три группы, соединяясь, формировали процессную «цепочку» наподобие Протий-Дейтерий-Тритий, а четвертая группа аккумулировала базисного сомножителя перейти к духовно-надстроечному ψ , то картина будет следующая. Рост военных расходов в разоренной стране провоцировал напряженность во всех слоях населения, а

новые мероприятия стратегического развертывания на афганской границе демонстрировали беспокойство англичан и шаткость их позиций. Деревня и городские низы больше реагировали на первую группу факторов, верхи и средние слои – прежде всего на вторую. Ценностные и понятийные представления традиционных слоев оформлялись и активизировались целевыми установками интеллигенции и национального бизнеса, перешедшего к партийному строительству и политической борьбе. Наконец, приходил в глухое угрожающее брожение главный стратегический резерв Индии – десятки миллионов бедняков города и деревни (элемент Р). Как в термоядерной реакции, первые три группы, соединяясь, формировали процессную «цепочку» наподобие Протий-Дейтерий-Тритий, а четвертая группа аккумулировала необходимую для цепной реакции «термоядерного» синтеза давно копившуюся энергию глубинного возмущения. Если сначала импульсы шли от полюсов величины ψ (S1 и P) к ее центру (S2 и W), то затем энергия кризиса (умноженная средними слоями общества) выделялась во всех направлениях.

Для спасения британского режима в Индии туда вернули вице-короля Керзона, для проведения военной реформы – генерала Китченера. Однако они лишь углубили кризис империи. Керзон поссорился со всеми кругами индийского общества и подал в отставку досрочно. Уже весной 1905 г. провал его миссии в Индии стал фактом: Керзон успел испортить отношения сперва с индийцами, оскорбив их публично, затем лишился авторитета и у англо-британцев. В итоге, вернувшись в Индию на два года для исправления ситуации, он был вынужден ее покинуть уже через год, признав поражение. Пресса прямо указывала, что Керзону вовсе не следовало сюда возвращаться. Китченер укрепил, конечно, военную систему Индии, но, во-1-х, перенапряжение экономики и финансов обострило социальную напряженность и, во-2-х, народ убедился в нестабильности колониального режима. И если умеренные индийцы требовали преобразовать колонию в доминион, то радикальные переходили к вооруженной борьбе, на северо-западной границе Индии активизировались мятежники, в буферном Афганистане росли антианглийские настроения⁷. Казалось, что какой-то рок навис над англичанами. Но у этого рока было не только имя, но и воинское звание.

Исторический процесс часто напоминает бурный Терек «дик и злобен». Но, замечает ген. Снесарев, через такие реки переправы есть в принципе везде и практически всегда могут быть найдены: все

⁷ СКССТВО, в. 75, Таш., 1906, с. 16-18.

дело в смелости и умелости. Стихию исторических событий, готовую поглотить неопытного человека в своей пучине, можно и должно преодолеть стратегическим методом (ген Снесарев предложил его в 1927 г. ученым-историкам и политикам-практикам). Его формула совокупного геополитического могущества – одно из средств управления историей посредством стратегического метода.

В целом о конкретной деятельности А.Е.Снесарева по дестабилизации британского режима в Индии неизвестно практически ничего. Но комплекс тогдашних событий – при должной методологии их оценки – позволяет представить основные направления и черты этой деятельности. В сложившейся обстановке английская сторона была вынуждена признать, что в случае военного конфликта с Россией на среднеазиатском фронте России грозят максимум незначительные осложнения, Британская же империя ставит на карту свое историческое существование. По этой причине Англия предпочла сперва отказаться от конфронтации с Россией, затем попыталась ее изолировать своими союзными договорами с Японией и Францией; когда же не помогло и это, в 1906 г. началась работа по втягиванию России в Антанту. Как явствовало заключения британских экспертов, поражение России на Дальнем Востоке не означало ее общего разгрома, а ее военной демонстрации в направлении границ Афганистана Англия воспрепятствовать не могла в принципе: для ее армии и флота Средняя Азия была недостижима. Чтобы потрясти стабильность Британской Индии, России даже не требовалось перебрасывать армию в Туркестан: достаточно было продемонстрировать такую возможность.

Ген. Снесарев уточняет: война-хамелеон ведется «не мечом, но иными средствами» политики и всех других сфер общественной жизни – но по-новому примененными. Клаузевиц и Леер считают войну борьбой за подавление воли противника, т.е. кардинальный захват инициативы. Средства этого захвата могут быть в принципе любыми, ограничений здесь нет. При этом, напоминает Клаузевиц, «гений полководца охватывает все элементы войны как движение одной массы сил»⁸. Н.Л.Кладов в самых общих чертах предлагает оценить историческое состояние общества (своего и противника) с разных сторон и действовать соответственно. Но он, как и Вик. Новицкий, предлагает ограничить эту оценку традиционным углом зрения в интересах обычной войны. Ген. Снесарев идет много дальше и считает, что это надо делать всесторонне, интегративно, а

не суммативно в какой-то одной плоскости. Необходимо, целостно оценить объект стратегии как единый живой организм, понять его историческую эволюцию и к ней подключиться. В «Северо-индийском театре» он настаивает на освоении длинных волн, кондратьевских циклов истории: оседлав такую волну, можно получить максимум возможностей контроля прошлого и настоящего, определения будущего⁹. И действительно, в ходе русско-английского кризиса начала XX в. А.Е.Снесарев оседлал такую волну, а зарождение и вызревание Восточного вопроса проследил еще глубже – на 120 и более лет. Он составил целостное представление об эволюции Индии за полвека после восстания сипаев (1857-1907). Уяснив механизм индийского кризиса, на него можно было влиять.

Это влияние не может не быть активным, утонченным и по возможности скрытым. В тексте рукописи А.Е.Снесарева о Клаузевице есть многозначительная ремарка: «Опытный врач не полагается на одно естественное течение событий». Древние китацы ввели понятие стратегической акупунктуры - «лечения» организма цивилизации методами иглоукалывания. Имитируя военные приготовления России к действиям в Афганистане и создавая у Англии ощущение тревоги за свою судьбу, А.Е.Снесарев воздействовал на чувствительные точки Британской колониальной империи. Для этого огромных сил и средств не потребовалось.

Опираясь на мировую военную классику и собственный опыт, ген. Снесарев вполне доказал, что:

- война тотальна и всеохватна;
- поэтому стратегия должна быть единой и высшей;
- только она позволяет органично управлять историей как единым мировым процессом.

Наши общие выводы таковы:

- природа войны едина и двойственна, мировое военное действие един и неразделим
- успех политики как высшей стратегии (метастратегии) первичен, победа на войне – вторична,
- ее характер психологический, средства ее достижения – в принципе любые
- победа может быть одержана без обычной войны и боя; ее может одержать и относительно слабейший противник (Россия над Англией – сверхдержавой своего времени).